

КРУГОЗОР

*Н. РУМЯНЦЕВА, профессор
Российский университет дружбы
народов*

Михаил Михайлович Сперанский – один из виднейших государственных деятелей России начала XIX века – оставил о себе память не только как о выдающемся политике и законоводе, энергичном реформаторе, просветителе и педагоге, но и блестящем знатоке речи, ораторе и публицисте, мастере устного и письменного слова.

В наши дни, по прошествии более чем двух веков с начала многообразной деятельности М.М. Сперанского, можно только искренне удивляться, как удалось представителю недворянского, а «поповического» сословия не только занять ведущее место в политической иерархии российского абсолютизма, но и стать своеобразным олицетворением высочайшей образованности и культуры, объединить вокруг себя многих передовых людей России того времени. Среди них было немало блестящих знатоков отечественной словесности, к коим можно отнести и Александра Николаевича Радищева, и основателя уникального Цар-

М.М. Сперанский и русская речь

скобельского лицея, да и самих лицеистов, учебные программы которых, в том числе и по части литературы, риторики, лингвистических дисциплин, формировались при активном участии М.М. Сперанского. И хотя он не нашел союзника в лице другого виднейшего деятеля той эпохи – Н.М. Карамзина (сословная спесь давала о себе знать), это обстоятельство не меняет сути дела: оба они, каждый по-своему, были прозападниками, в отличие, скажем, от шишковистов, идейный вдохновитель которых умнейший адмирал А.С. Шишков так и не сподобился осознать губительность существования живого русского языка в замкнутом пространстве западнославянской архаики.

Словом, факт остается фактом: когда возникает историческая необходимость в людях более деятельного типа, обладающих соответствующей духовной, умственной энергетикой, они находятся.

Что и произошло с М.М. Сперанским.

Как известно, XIX столетие начиналось с новым либерально настроенным правителем, замыслившим глубокие перемены в государственной жизни страны. Александр I («Гамлет на троне») мечтал об уничтожении крепостничества, о конституции, новом законодательстве и судопроизводстве, учреждении новой системы образования (в котором видел начало всех начал), подготовке учителей и преподавателей для нового поколения людей, способных быть достойными сынами Отечества, о развитии национальной науки и культуры и т.д.

Русский язык, его судьбы тоже были предметом острых дискуссий.

Парадоксально, но в начале XXI века снова возникла и обострилась проблема языковой, лингвистической культуры наших соотечественников, что, разумеется, побуждает вновь и вновь обращаться к историческому контексту, опыту далеких и близких предшественников. Теперь даже

самый ленивый понимает, что без прошлого нельзя понять настоящее и тем более – предвидеть будущее.

Начало XIX века характеризуется еще одним примечательным явлением. В России начала зарождаться интеллигенция, новый тип гражданина, который учился жить, действовать и совершенствоваться в новой жизни. Это был творец новой культуры, движимый любовью к просвещению, литературным новинкам, новейшим произведениям искусства.

Менялись не только идеалы и мировоззрение, менялось и отношение к российской культуре и русскому языку. Можно смело сказать, что конец XVIII – начало XIX вв. стало временем становления нового русского языка.

Развитие новой русской словесности положило начало острейшему конфликту между так называемым «новым» и «старым» стилем, за которым стояло приятие или отторжение западной культуры. Истоки спора лежали в лингвистических трудах Михаила Васильевича Ломоносова, первоначально в изучении русского языка. Литература, следовавшая предписаниям Ломоносова, с ее германизированным и латинизированным синтаксисом, по большей части казалась новому поколению читателей архаичной, громоздкой, напыщенной и имела мало общего с разговорным русским языком. Общеизвестно, что Николай Михайлович Карамзин противопоставил предначертаниям Ломоносова «средний стиль», иначе говоря, «новый» литературный язык – более простой, живой, разговорный, наделенный легкостью и плавностью французского синтаксиса.

Еще раньше, чем Н.А. Карамзин, поэт и ритор В.К. Тредиаковский, размышляя о возможностях русского языка, так определял его многостороннее назначение и важность правильного пользования языком ученых: «Всеми одного и того же общества должно необходимо и Богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и приятелей поздравлять, и хвалить, и хулить, и советовать, и обвинять, и чего не должно. Но все сие токмо что природным языком» [1].

Следует отметить, что в начале XIX в. и в сфере применения церковнославянского языка также происходили изменения. Митрополит Гавриил (кстати, его покровитель-

ство сыграло важную роль в жизни семинариста М.М. Сперанского) в своей публичной деятельности следовал установкам светских властей. Он избегал панегирической пышности, и существенная часть его проповедей была ограничена чисто нравственной проблематикой, «это было скорее моралистическое рассуждение, нежели образцы ораторской игры» [2].

В это же время появляются переводы церковной литературы на русский язык. Гавриил Попов и Платон Левшин выпускают и «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни», еще ранее выходит перевод бесед Иоанна Златоуста, в котором «нет пустой слов пышности, нет ухищренного витийства... Язык духовной литературы следует за языком светским».

Однако сильна была и другая позиция, наиболее полно выраженная уже упоминавшимся выше адмиралом А.С. Шишковым, тогдашним министром народного просвещения, и его единомышленниками, среди которых были Г.Р. Державин, И.А. Крылов, Н.И. Гнедич и другие довольно известные литераторы. Объединившись в общество «Беседа любителей русского слова», они активно пропагандировали шишковистскую теорию «трех словесностей». Первая состояла из священных книг, вторая – из народного творчества, третья – подражательная, следующая западным, прежде всего французским, образцам. По мнению Шишкова, русская литература, имеющая многовековую традицию, представленную двумя первыми словесностями, не должна идти по пути подражательности. Русской и церковнославянской лексики вполне достаточно, а при соблюдении чувства меры они могут дополнять и обогащать родной язык.

«Беседа» просуществовала почти пять лет, имела официальный печатный орган – «Чтения», где публиковались доклады и статьи членов общества. К положительной стороне деятельности «Беседы» следует отнести героическую трактовку «Слова о полку Игореве», перевод русским гекзаметром гомеровской «Одиссеи», осуществленной Н.И. Гнедичем и В.А. Жуковским, а также широкую, насколько позволяли условия тех лет, пропаганду русского фольклора.

И все же фанатичное отношение к «ста-

рому русскому слогу» оборачивалось для российской культуры, находившейся тогда на подъеме, своего рода языковой автаркией, лингвистической замкнутостью, а в литературной практике подчас и словесным абсурдом.

Этим обстоятельством хорошо пользовалось оппозиционное по отношению к «Беседе» общество «Арзамас», знаменем которого был Н.М. Карамзин. Его члены – В.Л. Пушкин, Д.А. Блудов и молодой А.С. Пушкин – довольно остроумно и обидно высмеивали своих оппонентов.

Конечно, связь между политической жизнью и жизнью национального языка носит своеобразный характер, не укладывающийся в жесткие рамки, искусственно сконструированные схемы. Но реальность есть реальность: Россия выходила на международную арену все увереннее – как влиятельная, сильная держава, открытая миру, в том числе и по части языковых взаимоотношений, лингвистических заимствований.

Для человека, состоящего на государственной службе, манера и умение говорить, заставить собеседника поверить в правильность своей мысли, четко и логично объяснить, увлечь, убедить и «обратить в свою веру» играет далеко не последнюю роль. Косноязычный оратор, излагая даже умные вещи, не добьется успеха у аудитории, и недаром Наполеон Бонапарт полагал: «Кто не умеет говорить, карьеры не сделает».

Таким умением слушать, говорить, писать обладал самый знаменитый чиновник начала XIX в. Михаил Михайлович Сперанский, красноречию и острому уму которого отдавали должное все, кто его знал, когда-либо встречался или сотрудничал с ним. Даже его многочисленные недруги и завистники признавали за ним этот необыкновенный талант. Мало сказать, что он обладал даром говорить, он умел увлекать и зажигать. Канцелярские «клерки», малообразованные и малограмотные, учились слову у него, перенимая его стиль и подражая ему. Вот почему все вельможи и государи (Павел I, Александр I и Николай I) были счастливы иметь при себе такого необыкновенного человека, всегда готового своими знаниями, умениями, острым умом и яркой фразой (письменной или устной)

привнести в скучную канцелярию некоторое оживление и блеск.

Позднее В.О. Ключевский – историк, умевший с удивительной психологической точностью и литературным изяществом изображать фигуры исторических деятелей, – писал о Сперанском, что тот «принес в русскую неопрятную канцелярию XVIII века необыкновенно выпрямленный ум, способный бесконечно работать (48 часов в сутки), и отличное умение говорить и писать. По всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира» [3].

Сперанский смог реализоваться, занимая государственную должность и одновременно принимая участие в интеллектуальных сферах. Он всемерно содействовал российскому общественному прогрессу и оставил о себе память не только как о политике, законоводе, философе, публицисте, просветителе и педагоге, но и как о блестящем мастере устного и письменного слова.

Любовь к слову отличала Сперанского с юных лет; это было на уровне его личных ощущений, когда любовь к культуре базируется на уважении к словесной культуре всех языков, на интересе ко всем культурам. Отсюда его неудержимое стремление к совершенствованию своих языковых познаний не только родного языка, пропагандистом которого он был, но и многих иностранных языков, без знания которых нельзя вникнуть в характер и дух незнакомого народа.

Вместе с тем здесь проявилась и особенность эстетической природы М.М. Сперанского, его социальные качества как человека требовали адекватных духовных и нравственно-воспитательных сторон его образа жизни и действий.

А начало всему было положено в далекой от столицы деревушке Черкутино Владимирской губернии, где в семье местного церковнослужителя родился сын Михайлов. С детства болезненный и слабый, он проводил все свое время в чтении книг, которые ему удавалось раздобыть, главным образом, духовного содержания: слово Божие, святоотеческие и богослужебные книги. Шестилетним ребенком он читал в храме Часы богослужебные и пел в церковном хоре под руководством своего дедушки-иерея.

«Искренняя вера и благочестие, царившие в семье, воспитали в нем глубокую религиозность, которая оставалась в нем до самой смерти». Умение излагать свои мысли и связно пересказывать содержание прочитанного выработали в нем привычку правильного логического рассуждения.

Последующее обучение во Владимирской семинарии подтвердило мнение о нем как о человеке «острой понятливости», успевающего «с добрыми успехами». Именно при поступлении во Владимирскую епархиальную семинарию «попов сын» получил фамилию Сперанский (от латинского *sperare* – надеяться) и под этим именем вошел в историю государства Российского как один из замечательных людей и государственных деятелей.

Пройдя обучение сначала в философском классе, а затем в классе богословия, Сперанский в числе особо одаренных выпускников был направлен в «главную семинарию» в Санкт-Петербурге (1788), где согласно указу Синода учебное духовное заведение было призвано готовить учителей для других семинарий. Интенсивный характер обучения (теология, метафизика, риторика, курсы математики, опытной физики, механики, история философии и новейших философских течений), суровое монашеское воспитание способствовали продолжительным и напряженным умственным занятиям, а постоянные упражнения в написании сочинений развивали навыки логического письма. Работа в богатой семинарской библиотеке помогла отчетливо разбираться в сути излагаемого, отличать главное от второстепенного. Знание древних языков и прекрасное владение французским позволили ознакомиться с работами Ньютона, Декарта, Локка, Лейбница, энциклопедистами и французскими мыслителями XVIII века, включая Кондильяка. И только незнание немецкого языка на первых порах не позволило ему освоить труды Канта в подлиннике.

Тяга к знаниям у Михаила Михайловича была беспредельна. Всю жизнь он чему-то учился, заполнял пробелы в своих познаниях, продолжал изучать языки и даже в последние годы жизни заинтересовался испанским языком: учился сам и всегда учил других, по родительскому ли долгу или по делам службы. Еще в семинарии смышле-

ному семинаристу приходилось заменять учителя на уроках в частных домах и, одевшись в чужой сюртук (за неимением своего), идти преподавать. Уча других, легче учиться самому.

Ко времени окончания семинарии (1792) Михайло Сперанский был одним из образованнейших молодых людей своего времени. Замеченный митрополитом Гавриилом, пленившимся его проповедями, он был оставлен при семинарии преподавателем математики, затем физики и красноречия. В 1795 г. последовало назначение на должность учителя философии и префекта семинарии.

Любимейшим его чтением оставались классики древности; но и со всеми новинками французской, английской и русской литературы он знакомился с удовольствием, помнил и знал множество имен, названий, действующих лиц и охотно делился своими познаниями со слушателями везде, где ему приходилось бывать.

Годы преподавательской деятельности были периодом его окончательного духовного созревания. Все мысли, теснившиеся в его голове, просились на бумагу, и он творил: писал статьи и научные трактаты, «Досуги», философские заметки «О силе, основе и естестве», руководство по красноречию для учащихся, свои размышления о счастье, сердце и уме. Изредка бывал в театре.

Последней стадией его письменных упражнений явилась служба в доме князя Куракина (1796): он заведовал деловой, служебной и частной перепиской шефа на русском языке и всем этим сумел заявить о себе как о непревзойденном мастере стиля. Становится понятным желание многих сановитых чиновников иметь в своих канцеляриях такого виртуоза слова, поскольку не только официальная переписка 90-х годов XVIII столетия, но даже манифесты и указы Екатерины II и сына ее Павла I написаны языком далеко не блестящим и чаще не всегда правильным. «Щеголеватая и трезвая фраза Сперанского многим казалась образцом слога» [4].

Чтобы приучить молодого человека к хорошему обществу, князь Куракин приглашал его к обеду, но за господским столом тот чувствовал себя неловко и предпочитал общество прислуги. Тем не менее зна-

комство в доме с умным и богатым вельможей Иваном Лазаревым тоже способствовало его продвижению. Лазарев поручал Михаилу Михайловичу составление бумаг как по частным своим делам, так и по разным предметам, касавшимся положения армян, щедро награждая его за труды. В доме Лазарева, принимавшего у себя всю знать, Сперанский сделался известным всем важным и сильным людям того времени, даже армянскому архиепископу князю Аргутинскому-Долгорукому, который предложил ему исправление русского перевода книги, изданной позднее под заглавием «Исповедания христианской веры армянской церкви», которая вышла в 1799 г. и была посвящена Павлу I.

Впоследствии М.М. Сперанский признавался: «Жажда учения побудила меня перейти из духовного звания в светское: я надеялся ехать за границу и усовершенствовать себя в немецких университетах, но вместо того завлекся службою» [5].

С 1801 г. он занимается составлением всех манифестов, указов и других государственных актов, практикуется в деловых бумагах, знакомится с высшими государственными вопросами, присматривается к тогдашним государственным людям. Будучи на службе в Министерстве внутренних дел, начинает издавать «Санкт-Петербургский журнал», где печатались отчеты министра государю – они выходили из-под пера Сперанского, который стал заменять новыми формами старинный «приказной» язык, изменив так называемый деловой слог. Так в лице Сперанского формируется создатель нового канцелярского стиля; в его учреждении важную роль сыграл экзамен для чиновников, введенный Сперанским в 1809 г.

Общественная забота о стиле разговорной и письменной речи была так велика, что это являлось постоянной темой разговоров: хорошо построенная беседа упоминалась в письмах, дневниках, мемуарах, записях и специальных подборках. Поведенческая и речевая манера оценивались обществом весьма высоко по элитарным меркам ума, изысканности, изящества, живости, чувства меры и приличий, и Сперанский был, по его собственным словам, «всяческая во всем».

Сперанский, как это ни может показать-

ся странным, в чем-то был близок к своему потенциальному оппоненту – А.С. Шишкову. Его первой любовью всегда оставались латынь и церковнославянский язык, к торжественной и возвышенной красоте которых он привык с детства. Все работы по переводу церковной литературы на современный русский язык, о которых говорилось ранее, Сперанский не поощрял. По его мнению, церковнославянский язык с его величественною красотой, точностью и «выразительностью форм» должен оставаться языком церковного богослужения и духовных книг, чтобы божественное оставалось божественным, ибо в переводе нет «ни той силы, ни того усаждения».

Давая оценку готовящемуся новому изданию славяно-русского словаря, он указывал на то, что в словарь «не должно допускаться никаких слов иностранных, исключая только греческие слова – церковные; для иностранных же слов приложить к словарю алфавитную роспись... Это не есть гонение на слова иностранные: обычай их ввел, обычай и выведет» [6].

Будем надеяться, что слова Сперанского, если их адресовать современной языковой ситуации, окажутся пророческими, и «обычай выведет» из нашей речи то, что чуждо и неестественно для нашего русского слуха.

Природное дарование, знание наук, упражнения в написании сочинений, интерес к другим наукам (Сперанский очень любил математику, занимался и древностями, и иностранными языками, и юриспруденцией) – все сочеталось в нем, давало ему право называться мастером слова, оратором, способным управлять умами.

Изречение Платона «Красноречие есть искусство управлять умами» звучит в данном случае уместно для характеристики несомненного таланта М.М. Сперанского и его воздействия словом на умы слушателей.

Манера говорить и излагать свои мысли на бумаге обычно определяется степенью образованности человека, его эрудицией, начитанностью и в немалой мере его душевным укладом и чертами характера. Об остром уме и эрудиции главного государственного чиновника первой трети XIX в. сказано уже немало.

Что касается личности, душевного уклада и характера Сперанского, то все, с кем

ему довелось встречаться, общаться или работать, отмечали его приветливые слова, всегда кроткие, положительные, показывавшие невольное внимание и уважение к тому, с кем он говорил: обхождение самое деликатное, мягкое, вежливое со всеми, невзирая на чины и происхождение, не включая переписчиков, всегда на «вы» – никогда на «ты». В своих работах над правилами для учебных заведений в Уставе Царскосельского лицея Сперанский рекомендовал педагогам, воспитателям и наставникам относиться к учащимся корректно, как ко взрослым; их должно было называть только на «вы», с обязательным прибавлением к фамилии обращения «господин», – так, как обращался и разговаривал он сам. Его почтительность и ласковость со всеми вызывали симпатию у окружающих. А умение выбирать наиболее точные, стилистически и ситуативно уместные варианты, личное обаяние составляли магическую сторону речевого мастерства Сперанского. Он делился со своими учениками всем, чем обладал сам: наукой об искусстве речи, правилами построения текстов различных видов (особенно рассуждений), проводил со своими подопечными занятия в форме «бесед».

После доклада Сперанского в Эрфурте по гражданским делам (1808) на него обратил внимание Наполеон, удивленный широтой кругозора и энциклопедичностью его знаний, превосходным знанием французского языка и изысканными манерами – при отсутствии у Сперанского громких титулов и званий. Французский император назвал Сперанского «единственной светлой головой в России» и подарил ему табакерку, украшенную бриллиантами и собственным изображением. Ко всему прочему, он просил у Александра I «обменять его на какое-нибудь королевство». Может быть, это была французская шутка, но в глубоких знаниях, эрудиции и мастерстве слова тогдашнего советника российского императора никто никогда не сомневался, даже многочисленные его недруги.

Вот как вспоминает о графе Сперанском сын П.Г. Масальского: «Кроме государственной деятельности, граф находил время заниматься науками, литературой и языкознанием, не говоря о русском языке, которому он оказал значительные услуги, он

знал основательно: французский, английский, немецкий, латынь, греческий и еврейский. В 1838 г., разговорившись со мною об испанском языке, он просил достать ему хорошую испанскую грамматику, что я и исполнил» [7].

В течение нескольких лет молодой Сперанский преподавал словесность в Петербургской духовной семинарии, немного позже его учеником был будущий российский министр народного просвещения С.С. Уваров, бравший у него уроки русского языка.

Лекции Сперанского имели настоящий успех, увлекали слушателей, аудитория с удовольствием внимала его словам. Он выступал в комитетах и комиссиях, на заседаниях Государственного совета, с докладами императорам, и всегда речь его отличалась здоровой логикой и богатством содержания. И если при заседании случалось оспаривать какое-либо положение или мнение, он всегда одерживал победу.

И только однажды, уже в последние годы жизни, он не отстоял своего проекта о преступлениях и проступках против благочиния. Михаил Михайлович не сумел защититься и, поупорствовав немного, согласился, что проект не доработан.

Сохранилось высказывание Каподистрия – дипломата и государственного деятеля – о впечатлении, произведенном на него беседой со Сперанским: «Мы толковали и о политике, и о науках, и о литературе, и об искусстве, в особенности о принципах, но ни на чем я не мог его поймать. Он – точно древние оракулы, так все в нем загадочно, остроумно, односложно; не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной беседы, которую мне пришлось кончить все-таки ничем, т.е. нисколько не разгадав эту непроницаемую личность» [8].

Во многих кружках его называли «Златоустом»: он был бесподобен в Государственной думе и обворожителен в «игривой болтовне о безделках обыденной жизни»! При этом старался всегда говорить на родном языке в противовес принятому в светском обществе обычаю изъясняться и писать по-французски; и русская речь звучала в его устах с необъяснимой прелестью, она принимала особенную силу, гибкость и выразительность, поэтому окружающие предпочитали его слышать именно на рус-

ском. Сперанский высказывал сожаление, что в «простом легком слоге есть много деревенских слов весьма выразительных», но они не приняты в высшие общества. «Это есть одна из 1000 человеческих несправедливостей». И действительно, если вокруг звучит иностранная речь, надобно услышать сии звуки (родной речи. – *Н.Р.*) на чужой земле, среди чужих людей, чтобы почувствовать всю их магическую силу», – рассуждал он в своих письмах [9, с. 55].

С юношеских лет он обнаружил недюжинные способности оратора, читая в присутствии высокопоставленных особ проповеди, которые производили сильное впечатление на слушателей, поскольку отличались «замечательною силою слова» и могли служить настоящим образцом церковного красноречия как по глубине мысли, так и по художественному изложению. Сохранился отрывок из его юношеской проповеди, произнесенной в Александро-Невской лавре 8 октября 1791 г. (царствование Екатерины II). Свободный дух проповеди, почувительный и предостерегающий текст, глубина содержания, яркость и образность языка представляли не все её качества: молодой проповедник не ограничивался лишь духовными вопросами, а касался также светских и политических сюжетов, содержащих этические требования и понуждающих слушателя к эмоциональному восприятию этих требований.

Среди чиновников-сослуживцев Сперанский выделялся своей гордостью, независимостью суждений; как отметил Г.С. Батеньков, «он был осторожен» и «страшен морально, ибо прогневать его – значит уже лишиться его уважения».

Привлекало в Сперанском более всего его отношение к простым и близким людям, ближайшим родственникам и друзьям. Он был открыт, всячески помогал всем, кто нуждался в его помощи. При встрече с крестьянами первым им кланялся, «чтобы содействовать смягчению их грубых нравов». Постоянно посещал божественную службу, в своем поместье обновил церковь и построил каменную колокольню вместо деревянной. Благотетельствовал и монахам Вишерской обители, которые называли его «своим кормильцем». Сам же жил очень скромно, уединенно, редко показывался в свет и был завален делами, потому что, став

выше других по заслугам, еще не дошел до равенства со знатными, которые смотрели на него как на выскочку и у которых он по своим правилам не хотел заискивать благорасположения. Никогда не сходилась близко с людьми посторонними и охотно поддерживал связь со своими ближайшими друзьями – с необыкновенной простотою, отсутствием всякой принужденности и искренней веселостью. Это были Цейер, Масальский, Жерве, Столыпин и Магницкий (на первых порах), имена которых постоянно присутствуют в его переписке. «Друзей же надобно любить так, как Бог их создал, а не так, как бы мы иметь их желали» – это из письма Сперанского от 27 ноября 1820 г. к Елизавете Сперанской [9].

В целом же это был человек сложный, обладавший огромным внутренним миром, в котором он ощущал себя более уверенно, нежели в высокосветском обществе.

Хорошо зная цену себе и своим знаниям, приближенный к государю, он очень не любил, чтобы его сравнивали и смешивали с обыкновенными людьми; он не мог не чувствовать своего превосходства и над чиновной массой, и многими патронами и даже иногда выражал его, не таясь.

Вместе с тем он был склонен к насмешкам и умел подметить какую-нибудь нелепость или характерную черту в своих начальниках или государе. И тогда его шутки переставали быть доброю усмешкой, превращаясь в злую сатиру, о чем недоброжелатели тут же доносили объекту насмешки. Подчеркивая подозрительность Александра I, он говорил министру полиции Балашову: «Вы знаете подозрительный характер государя. Все, что он делает, делает наполовину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым». Раздраженный нерешительностью императора в осуществлении реформ, Сперанский нередко выставлял его в своих разговорах человеком, равнодушным к Отечеству, беззаботным, красовавшимся фигурой, подобно женщине. Причем широко использовал выражения язвительного Вольтера. Деятельность интриганов в значительной степени облегчалась столь смелым, независимым поведением и ироничностью высказываний неугодного им реформатора.

После кончины Сперанского все сходи-

лись во мнении, что в рядах русской бюрократии вряд ли появится такой гениальный, разносторонний государственный деятель, реформатор и публицист, эрудит и прекрасный знаток русского слова.

С давних пор словесные дисциплины были обязательным предметом изучения во многих университетах, находясь в ведении специальных кафедр. Все студенты, готовившие себя к государственной или педагогической деятельности, обязаны были учиться искусству слова. И если в ранние времена филология была ограничена главным образом знанием классической древности, то «энциклопедизм» – всеохватывающее обучение – требовал особого подхода к изучению материала, который состоял в чтении и толковании текста учителем и учеником, в вопросах и ответах с целью обнаружения сокровенного смысла произведения.

Как нам не хватает людей, подобных Сперанскому!

За вклад Сперанского в развитие русской речи, за пропаганду и призыв любить родной язык, всяческое содействие его изучению он был отмечен многими дипломами и званиями разных обществ и университетов: Казанского общества любителей отечественной словесности (1819), Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете (1828), в том же году получил звание доктора Дерптского университета, был почетным членом Российской академии, Московской духовной академии, Харьковского университета, Санкт-Петербургского университета, Киевского университета; в 1835 г. получил звание члена-корреспондента Статистического отделения Совета министров внутренних дел.

Таким был Сперанский.

Какой степени учености можем удостоить его мы, современные филологи-русисты?

Наверное, самым достойным и уважительным по отношению к М.М. Сперанскому будет усвоение тех предметных, духовно-нравственных уроков, которые вытека-

ют из всей деятельности уникального политического деятеля и просветителя. В частности, тех, что касаются трепетного отношения к богатству, выразительности, смысловой легкости родного языка. Он, будучи основой нашей духовной природы, нуждается в особой защите, поскольку «народ-языкотворец» явно потеснен на нашем лексическом пространстве.

Да, все верно: о бережном отношении к родному языку ведется речь на уровне президентов и правительств. Сочиняются законы о языке, придумываются реформы, составляются энциклопедии, словари, справочники-практикумы для государственных и думских чиновных людей в надежде очистить наш язык от «дистрибьюторов» и «провайдеров», «консалтингов», «имиджей», «рейтингов», «импичментов», «мониторингов».

Пока сдвигов в сторону их убывания – никаких. Идет настоящая «интервенция» иноязычной лексики, которая вкупе с жаргонной и криминально-блатной давит на нормальную устную и письменную речь.

Литература

1. Русская риторика. – М., 1996. – С. 73.
2. Живов В.Т. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996. – С. 373.
3. Ключевский В.О. Русская история. – М., 1993. – С. 389.
4. Чириков С.А. Великий русский реформатор. – М., 1976. – С. 13.
5. Биографические очерки Владимира Новиковского. М.М. Сперанский. – СПб., 1863. – С. 13.
6. Мнение Сперанского о новом издании славяно-русского словаря. – СПб., 1870. – С. 2.
7. Дружеские письма графа М.М. Сперанского к П.Г. Массальскому. – СПб., 1862. – С. 125.
8. Новаковский В.И. Михаил Михайлович Сперанский. – СПб., 1868. – С. 87.
9. Письма М.М. Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. – М., 1869. – С. 55.

